

отъездъ, а потому, откланявшись ушелъ и опустился въ свою великолѣпную постелю.

Утромъ начались новыя упрашиванья, чтобъ я остался еще, но на этотъ разъ я сѣлъ на коня и черезъ 8 часовъ подъѣзжалъ къ знакомымъ стѣнамъ Бейрута, любуясь синимъ взволнованнымъ моремъ. Я думалъ стихами, навѣянными Байрономъ, который спѣлъ когда-то про сочувственный ему океанъ непереводимую пѣсню.

Катись, глубокой, синій, безкопечный,
И, гордую красу твою храня,
Плещи въ брега своей волною вѣчной
И тихо убаюкивай меня!
Люблю пучинъ твоихъ водовороты,
Когда, какъ пухъ, по прихоти своей,
Бросаетъ ты, играя, наши флоты
Среди твоихъ бушующихъ выбей.
Царя земли, — у волнъ твоихъ отвѣка
Смиралась власть и гордость челоуѣка.
Ты сокрушалъ надменные труды
И — мнящій быть вездѣ равно могучимъ —
Онъ оставлялъ лишь грустные слѣды,
Обломки мачтъ, валамъ твоимъ — кипучимъ
И самъ, на небо очи возведя,
Съ глухой мольбой, со скрежетомъ и воемъ
Тонулъ, какъ капля малая дожда,
Безъ почестей, невѣдомымъ героемъ,
Безъ звука трубъ — и твой сердитый валъ
Его слѣды навѣки замывалъ.
Всегда великъ, всегда равно прекрасенъ,
Невыразимъ, въ часы ли ярыхъ бурь,
Не то, когда смиренъ, и тихъ, и ясенъ,
Ты отразишь небесную лазурь,
Иль яркихъ звѣздъ ночные хороводы
И, погрузаясь въ величественный сонъ,
Роскошно дышутъ царственныя воды,
Торжественный невидимаго тронъ,
Зерцало безконечное природы.....

Катись, могучій, царственный, катись!
Ты — хаоса нестарѣющій зритель!
Столѣтїя какъ бури пронеслись,
И время, нашъ недремлющій крушитель,
Свои бразды повсюду провело,
Но ни одной обидною морщиной
Не тронуло оно твое чело.....
Катись, глубокой, вѣчный и единый!

Все тотъ же ты, и нынѣ тотъ же ты,
Какимъ тебя застало мірозданье,
И той же вѣчной полною красоты!
Повѣдай намъ минувшихъ лѣтъ преданья,
Какихъ ты былъ свидѣтель переиънъ?
Гдѣ нынѣ Тиръ, Сидонъ и Карфагенъ?
Исчезло все во мглѣ временъ дремучей...
Катись, глубокой, царственный, могучій!

Какъ я любилъ тебя, мой океанъ!
Цвѣтушіе тебѣ я отдалъ годы;
Ты мнѣ судьбой въ замѣну счастья данъ;
Какъ я любилъ въ минуту непогоды
Носиться вплавъ на яростныхъ валахъ
И руку класть на твой хребетъ зыбучій!
Ты страшенъ былъ — но былъ то сладкій страхъ,
Онъ прибѣгалъ по мнѣ какъ пламень жгучій,
Всего меня восторгомъ охватя,
Я былъ твое любимое дитя.....

Н. Бергъ.

З а м ѣ ч а н і я.

По поводу съѣзда естествоиспытателей въ Кіевѣ.

Съ большимъ интересомъ и любопытствомъ прочли мы краткій отчетъ о съѣздѣ естествоиспытателей въ Кіевѣ. Отрицательно явленіе слишкомъ хорошо говоритъ само за себя, чтобы нуждаться въ какихъ нибудь дефирамбахъ. Но наше дѣло, впрочемъ, пѣть дефирамбы-то, да и не умѣемъ мы этого. Мы хотимъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о предметѣ слишкомъ насъ занимающемъ, слишкомъ намъ близкомъ, и жалѣемъ только о томъ, что, вслѣдствіе тяжелой болѣзни, не можемъ поговорить подробнѣе. Да не посѣтуютъ же на насъ ученые и всѣ, бывшіе съ нами на съѣздѣ, а равно и читатели, за эти отрывочныя и краткія замѣтки, — быть можетъ нѣкоторыя изъ нашихъ указаній обратятъ на себя вниманіе, и тогда, безъ сомнѣнія, объ нихъ будетъ сказано гораздо болѣе, чѣмъ нами. И такъ къ дѣлу.

Въ 1-мъ педагогическомъ засѣданіи рѣшили вопросъ о *цѣли преподаванія естественныхъ наукъ въ гимназіяхъ и вообще въ среднѣеучебныхъ заведеніяхъ*. Надо сказать правду, есть чему подивиться, въ такомъ ученномъ собраніи предлагаются и рѣшаются подобныя вопросы и, посмотрите, какъ рѣшаются! «Главною цѣлью всѣ признали нравственно-умственное развитіе учащихся. Къ этой цѣли присоединяли такъ же: развитіе въ учащихся наблюдательности, приобрѣтеніе значительной массы положительныхъ свѣдѣній, устраненіе зависящихъ отъ незнанія природы предрасудковъ, возбужденіе сочувствія къ животнымъ и, наконецъ, развитіе эстетическаго чувства. Нѣкоторые предлагали такъ же не упускать изъ виду и экономической цѣли, т. е. знакомства учащихся съ тѣмъ, что можетъ быть полезно въ экономическомъ быту челоуѣка, выходя изъ той мысли, что только при достаточномъ развитіи матеріальнаго благосостоянія, общество можетъ быть достаточно нравственнымъ». Сколько десятковъ лѣтъ у насъ преподаются въ тѣхъ или другихъ учебныхъ заведеніяхъ тѣ или другія науки, а мы все себѣ рѣшаемъ вопросы о *цѣли ихъ преподаванія* и кажется будемъ рѣшать ихъ до скончанія вѣка! Вѣдь другой, пожалуй, читая эти вопросы и рѣшенія, не вытерпитъ и вскрикнетъ, подобно Павлу Ивановичу Чичикову, когда въ бесѣдѣ съ Коробочкой его даже потъ прошибъ. Но мы видимъ здѣсь не болѣе, какъ грустные и глубокіе слѣды рутины. Стоитъ только прочитать отвѣтъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Вѣдь здѣсь что ни предложеніе, то фраза и фраза! Ну развѣ есть какая нибудь наука, которая бы не развивала «нравственно-умственно» учащихся? Что же до нѣкоторыхъ *экономистовъ*, то они напомнили намъ Симашко, который въ своей *зоології* трактуетъ о томъ, изъ чего дѣлается сафьянъ, козель и т. п. Нѣтъ, ужъ отъ Симашекъ-то увольте!

Нѣтъ, почтенное собраніе, вмѣсто того, чтобъ тратить время въ толкахъ о томъ, съ чего нужно начать преподаваніе естественной исторіи, — съ зоології или съ минералогії? — вы бы обратили вниманіе хоть на это, по видимому, ничтожное обстоятельство: за что эти три науки, минералогія, ботаника и зоологія, всюду называются *естественной исторіей*? и даже у насъ Горизонтовы и Александровы пишутъ какія-то безобразныя книжки и выдаютъ ихъ за *Естественную Исторію*... Гдѣ историческій элементъ въ преподаваніи этихъ наукъ у насъ? Что историческаго въ этой суммѣ отрывочныхъ свѣдѣній и фактовъ, которые сообщаются ученикамъ гимназіи изъ зоології, ботаники и минералогії, и какъ достигнуть, чтобы у насъ дѣйствительно преподавалась *естественная исторія*. Вотъ бы къ какимъ вопросамъ обратиться вамъ. Затѣмъ о химіи сказано, что преподаваніе ея въ гимназіяхъ необходимо, хотя и кратче, чѣмъ физики. Неправда-ли, какъ это опредѣленно? А о физикѣ ни слова, — ужъ не находить-ли собраніе, что преподаваніе ея идетъ удовлетворительно? Вотъ гдѣ нужно потолковать о томъ, что сперва преподавать, такъ здѣсь и помину нѣтъ объ этомъ!... Понятно, что физика и химія должны предшествовать естественной исторіи, но надо же и

распорядиться приготовлением и выпуском в обращение такой же мѣдной монеты еще на 3 миллиона рублей. По случаю такового же окончанія отчеканки серебряной разнѣнной монеты 72-й пробы, въ количествѣ 6-ти миллионовъ рублей серебромъ, разрѣшено министру финансовъ распорядиться приготовлением и выпускомъ в обращение такой же серебряной монеты и еще на 6 миллионовъ рублей. «Биржевыя Вѣдомости» сообщаютъ тоже извѣстiе, напечатанное въ газетѣ *Nord*, о произведенной между французскимъ банкомъ и государственнымъ банкомъ въ С.-Петербургѣ операциі разнѣннаго 9 миллионовъ серебра на такую же сумму золотомъ. «Въ настоящее время, говоритъ *Nord*, въ Россіи чувствуется такая настоятельная потребность въ монетѣ, что петербургскій монетный дворъ не успѣваетъ удовлетворять этой потребности. Поэтому российское правительство вошло въ соглашеніе съ дирекціею парижскаго монетнаго двора, который и обязался вычеканить нѣкоторое количество русской монеты.... Чрезвычайная дѣятельность кипитъ теперь не только на парижскомъ, но и на петербургскомъ монетныхъ дворахъ: работы производятся такъ спѣшно, что нѣсколько ящиковъ русской серебряной монеты отправлены уже въ Гавръ и Дюнкерхенъ для доставленія въ Россію. Такая посылка будетъ производиться черезъ каждые 10 дней. Нѣтъ сомнѣнiя, прибавляетъ *Nord*, что предназначенные къ чекану 9 миллионовъ не прекратятъ недостатка мелкой монеты въ Россіи, особенно ощутительнаго въ разнѣнной и мелкой торговлѣ».

Богатый нищій.

(Изъ Вѣдомостей Московской Городской Полиціи № 133).

Въ Срѣтенскую часть доставленъ былъ за прошеніе милостыни отставной чиновникъ К., при осмотрѣ котораго найдено при немъ заемныхъ писемъ, выданныхъ ему отъ разныхъ лицъ, на 79,000 руб. ассигн., билетъ, выданный на имя его изъ конторы московскаго коммерческаго банка, на 48,070 р. сер. и наличными деньгами болѣе 6,000 р. сер.

По дознанію оказалось, что человѣкъ этотъ нанимаетъ для жилья уголь, съ платою по 75 коп. сер. въ мѣсяць; отъ ранняго утра до поздняго вечера не бываетъ дома; въ пищу употребляетъ, приносимые съ собою, собранные куски хлѣба, а если въ томъ числѣ бываетъ бѣлый хлѣбъ, то онъ продаетъ его; имущество его заключается въ находящемся на немъ ветхомъ платьѣ и рогожѣ, на которой онъ спитъ. Въ четвертый уже разъ взять онъ за прошеніе милостыни и два раза находился за это въ комитетѣ о просящихъ милостыни.

По отзыву человѣка этого, онъ имѣетъ трехъ сыновей и двухъ дочерей, но гдѣ они находятся—не знаетъ.

Тиръ и Сидонъ.

(Окончаніе).

Я уже сказала, что часть сараевъ дается отъ турецкаго правительства, а часть нанимаютъ сами христіане у мѣстныхъ жителей. Отъ чего эта неравность, я не знаю. Нѣтъ ли тутъ какихъ *красивыхъ* причинъ съ браслетами? Вотъ цѣны комнатамъ: самая маленькая, гдѣ живетъ только два семейства, стоитъ 8 піастровъ въ мѣсяць (около 40 коп. сереб.). Большая комната на 9 семействъ—4 франка въ мѣсяць.

Мушны этихъ семей, и между ними мои почтеннѣйшіе гости, сколько могъ я замѣтить, все шлялись по сосѣдямъ, какимъ нибудь мастеровымъ, или разгуливали по площади и останавливались гдѣ была кучка, глазѣли, калякали, курили трубки—и такъ цѣлый день! Богъ вѣсть, когда они придутъ къ желанію работать. Работа, разумѣется, есть, хоть они и говорятъ цѣлому свѣту, что нѣтъ никакой. Потому нѣтъ, что они ее не ищутъ, бѣгаютъ отъ нея; имъ веселѣе шляться, пока есть на плечахъ какая нибудь куртка, или аба, и что нибудь въ брюхѣ. Онъ непременно сытъ на тѣ 30 паръ, которые получаетъ отъ турокъ. Иной день, глядишь, обойдется даромъ: поѣлъ на пріятельскій счетъ, что нибудь стащилъ,

раздобылся бакшишомъ какимъ ни на есть способомъ.... а работы куча, если не въ Сурѣ, то въ Бейрутѣ, на французскомъ шоссе; но вы помните изъ прежнихъ моихъ писемъ, какъ двѣ тысячи разбойниковъ, изъ пострадавшихъ христіанъ-арабовъ, напавшихъ по контракту, вдругъ убѣжали, прослышавъ, что ихъ будутъ кормить какъ-то такъ, что можно и палець объ палець не ударить.

Уже за вечерѣло, когда я веротился домой. Векиль, какъ сидѣлъ на полу съ кальяномъ, такъ и заснулъ, умаявшись по причинѣ экстраординарныхъ происшествій дня. Какъ было не умяться! Сколько лишнихъ разъ двинулся, разинулъ ротъ, подпялъ брови, ахнулъ! Я не велѣлъ его будить, когда гремящая косицами хозяйка хотѣла—было это сдѣлать.

«Ну, не будить, такъ не будить!» сказала она, и подошла ко мнѣ, когда я сѣлъ на диванъ, воскликнула вдругъ съ нѣкоторымъ значительнымъ пафосомъ: «батьюшка! скажи мнѣ, утѣшь: скоро ли *намъ* Государь войско сюда пришлетъ?» Потомъ перекрестилась (она была православная, какъ и ея мужъ), взглянула въ потолокъ, какъ-бы на небо, и хлопнула обѣими руками по бокамъ, а изъ сердца излетѣлъ вздохъ.

Въ этой странной рѣчи, ех *abrupto*, было столько уморительнаго и въ тоже время характеристическаго, отвѣчающаго вполне общему (арабскому) настроенію умовъ, что неловко было смѣяться. Это воскликнула какъ-бы вся христіанская и частію музльманская невѣжественная Сирія, у которой только и на умѣ, что русскій Царь да русское войско.

Тутъ подошли ребятишки звенящей бабы, свиду похожей на толстую московскую цыганку, въ родѣ извѣстной всѣмъ Матрены (и Алену, и Матрене-ну, и Илью!) уже поющей басомъ, и ходящей въ перевалку. Я сталъ ихъ ласкать, а Матрена сказала умиленно: «возьми ихъ въ ученье! батьюшка, возьми! въ ножки поклонюся! всѣхъ возьми, всѣхъ, всѣхъ! Больше ничего не нужно!»

Вотъ какова наша тирская векильша! Видите, не смотря на ея простоту, въ ней оказались почтенные порывы къ ученю дѣтей въ русскихъ, или какихъ бы то ни было школахъ. Къ сожалѣнію, нашими, т. е. *православными*, школами на востокѣ мы похвалиться не можемъ. Все это сильно плохо, и со вѣтуя векильшѣ добросовѣстно, я направилъ-бы ея бойкихъ и славныхъ ребятъ въ школы католическія.

Кстати упомяну: здѣсь ужасное стремленіе къ изученію русскаго языка и нигдѣ нѣтъ учителя. Въ одной Сайдѣ, какъ увѣрялъ меня мѣстный порядочный человѣкъ, нашлось бы сію же минуту 600 учениковъ. Хоть бы шестая доля... и этого никто не подслушаетъ, и до этого никому нѣтъ дѣла!

Послѣ умиленныхъ бесѣдъ моихъ съ хозяйкой, въ комнату вошелъ французскій векиль и, какъ здѣсь изо-всего просто и всѣ какъ одна семья (и Алена, и Матрена, и Илья)—началъ перетаскивать собственноручно мои вещи въ другую комнату, назначенную мнѣ для спанья. Тамъ стояла чистая кровать и висѣлъ найчистѣйшій пологъ. Все это было приготовлено, какъ я уже сказала, для нашего архирея, о проѣздѣ котораго патриархальный край чувствуетъ за цѣлый мѣсяць особымъ патриархальнымъ чутьемъ, словно святодухомъ. Никто не посылаетъ гонцовъ, даже и въ кабинетахъ ясновельможныхъ личностей Бейрута и Иерусалима, въ самомъ верхнемъ слобѣ, говорится объ этомъ еще весьма—гадательно, а въ Сурѣ, въ Сайдѣ и Богъ знаетъ какъ далеко въ горахъ, толкуютъ и ждуть почти навѣрняка. Какое дѣло, что архирей, если и поѣдетъ, то поѣдетъ всего скорѣе на Яффу, а изъ Яффы на пароходѣ прямикомъ въ Бейрутъ, потому что ни одинъ пароходъ не пристаётъ къ этимъ городкамъ; но городки все-таки считаютъ долгомъ обезпочиться: «ну, а неравно!.. какъ знать!»... И вѣшаютъ бѣлый пологъ, который вымыть чище всего, что только есть, и движется, и живетъ на пространствѣ бывшей Финикии. Вечера векиловъ и консуловъ заняты на цѣлый мѣсяць расдабарываньемъ о проѣздѣ московскаго архирея, причемъ отыскивается счастливецъ, который гдѣ-то и когда-то выскакалъ, какъ сумасшедшій, навстрѣчу этого лица, годъ или два назадъ объѣзжавшаго Сирію,—и передаетъ компани съ

НАШЕ ВРЕМЯ

ЦЕНА ГАЗЕТЫ: въ Москвѣ 7 р. —
съ доставкой н. въ Петербургѣ 8 р. —
съ доставкой в. съ поросылкою по всѣмъ
городамъ 9 руб.

Гр. иногородные благополучь для
подписки относятся исключительно
въ Редакцію газеты *Наше Время*, въ
Москву.

Г А З Е Т А

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ
Москву 1) въ книжномъ магазинѣ, въ Ле-
нинскомъ переулокѣ, въ домѣ Сухо-
миной; 2) въ книжныхъ лавкахъ; 3) въ
Мокшанскомъ переулокѣ. Въ С. Петер-
бургѣ: 1) въ книжномъ магазинѣ въ Боль-
шой морской, у Сальмонкина и № 24
Ш-й; 2) въ книжныхъ лавкахъ; 3) въ
С. Петербургскомъ почтамтѣ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

СОДЕРЖАНІЕ: вѣнскія вѣдѣнія. Внутреннія вѣдѣнія: крестьянское дѣло; продажа государственныхъ имуществъ; проектъ новаго всеобщаго устава; проектъ русскаго морскаго торговаго права; финансовыя вѣрны богатой инціи.—Туръ и Сидонъ, *Н. Верга*.—Замѣчанія по поводу съезда вегетарианцевъ въ Кіевѣ, *Д. Соколовъ*.—Любимыя картины русскаго народа въ московскомъ мѣрѣ—соч. *Ив. Снегирева, А. Кинжика*.

ВѢНСКИЕ ВѢДѢНІЯ.

Теперь уже известны всѣ подробности объ отвѣтѣ австрійскаго императора на адресъ венгерскаго сейма. Оказывается, что отвѣтъ этотъ, составленный въ вѣнскомъ кабинетѣ вѣнскими министрами, безъ участія венгерскихъ, которые вышли въ отставку, безусловно отвергаетъ всѣ желанія венгровъ. Вотъ сущность императорскаго рескрипта. Въ теченіи трехъ столѣтій, говорится въ немъ, Венгрія, по праву и на дѣлѣ, была соединена съ австрійскою имперією въ дѣлахъ военныхъ, финансовыхъ и по отношеніямъ къ иностраннымъ державамъ. При возстановленіи конституціи, должно было разчитывать на потребности всего конституціоннаго государства. Новый основной законъ ничѣмъ не угрожаетъ самостоятельности внутренней венгерской конституціи, напротивъ даже упрощается ее. Часть законовъ 1848 г. уже утверждена, а остальные изъ нихъ не могутъ быть припаты, ибо они противны основному закону имперіи. Затѣмъ сеймъ приглашается рескриптомъ: къ пересмотру законовъ 1848 г.; выслать депутатовъ на имперскій сеймъ, въ августѣ мѣсяцѣ, когда сейму этому будутъ представлены финансовыя проекты; условиться съ кرواتскимъ сеймомъ на счетъ отношеній его къ Венгріи; приготовить законъ, обезпечивающій невенгерскимъ жителямъ королевства употребленіе ихъ національнаго языка, и устроить сербскія дѣла, на основаніи постановленій сербскаго національнаго собранія. Наконецъ, рескриптъ объявляетъ: что новаго отреченія императора-короля Фердинанда сдѣлано не будетъ, что соединеніе Трансильваніи съ Венгрією невозможно въ настоящее время, и что амнистія послѣдуетъ при совершеніи коронаванія...

Значитъ, по сдѣлано Венграмъ ни малѣйшихъ уступокъ. Любопытно бы знать: на чтѣ тутъ надѣется особенно вѣнскій кабинетъ—на австрійскую ли силу, на австрійское ли счастье? Должно быть, на послѣднее... Австрійскіе журналы всячески хотятъ увѣрить, что въ борьбѣ правительства съ Венгріей стоитъ и будетъ стоять за него общественное мнѣніе всей имперіи. Иные изъ этихъ журналовъ говорятъ, что рескриптъ императора—все-таки весьма милостивъ, иные смотрятъ на него, какъ на явную побѣду, какъ на спасеніе австрійской конституціи, а вѣсть съ тѣмъ, иные скромно замѣчаютъ, что въ борьбѣ съ Венгріей нѣтъ ни одного такого пункта, по которому правительство не было бы готово вступить въ переговоры. Но настоящій примѣръ доказалъ, чего можно ожидать

отъ переговоровъ съ австрійскимъ правительствомъ; въ Венгріи всегда недоверчиво смотрѣли на австрійскіе рескрипты, обещанія, увѣренія, растолкованія, предложенія, сдѣлки и проч. Венгерскіе журналы высказываются прямо, что такъ какъ послѣдній рескриптъ не удовлетворяетъ ни одному желанію сейма, то и нѣтъ ни одной точки сближенія и никакой возможности соглашенія между Австрією и Венгрією. «Долгъ венгерскаго сейма, говоритъ одинъ журналъ, ясенъ и простъ: онъ укажетъ, какъ надо теперь дѣйствовать, сеймъ долженъ неуклонно защищать конституцію.» Съ горечью отзывается другой венгерскій журналъ объ утраченныхъ надеждахъ на соглашеніе: «намъ силнось—говоритъ онъ—о конституціонной жизни, о національной самостоятельности, о союзѣ между государемъ и народомъ, о братскомъ единеніи между сосѣдними странами, объ умственномъ и матеріальномъ преуспѣяніи государства, о развитіи его внѣшняго могущества... то былъ отрадный сонъ,—но теперь мы проснулись...» Далѣе журналъ этотъ увѣряетъ, что Сеймъ будетъ поддерживать по прежнему права націи, но дѣйствуя при этомъ нравственнымъ оружіемъ законовъ 1848 г., оставитъ страну *страдательною зрительницею* всего того, чтѣ придумаетъ въ отношеніи Венгріи министерство Шмерлинга. «Мы тогда увидимъ,—заключаетъ журналъ,—странное зрѣлище: страна наша лишится вѣковой своей конституціи въ то самое время, когда сосѣднія страны только что впервые получаютъ ее; а при этомъ, конституціонный министръ, девизомъ котораго должно быть, по венгерскому обычаю, *nil de nobis sine nobis* (ничего о насъ, безъ насъ), будетъ на вѣнскомъ имперскомъ сеймѣ представителемъ совсѣмъ противоположнаго начала: *omnia de illis sine illis* (все о нихъ, безъ нихъ). Мы, съ своей стороны, намѣрены терпѣть все это спокойно и съ увѣренностью въ себя... Мы питаемъ отнынѣ новую, твердую надежду на побѣду...» Прислушиваясь къ подобнымъ выраженіямъ общественнаго мнѣнія въ Венгріи, можно, пожалуй, подумать, что Венгрія готовится только на страдательное сопротивленіе, но прошлая исторія ея, да и недавніе примѣры не оставляютъ сомнѣній на этотъ счетъ.

Шестская палата депутатовъ приняла императорскій рескриптъ не очень благопріятно: при чтеніи того мѣста рескрипта, гдѣ говорится объ октябрьскомъ и февральскомъ императорскихъ патентахъ, объ имперскомъ сеймѣ, о несовѣстности венгерской конституціи 1848 г. съ основнымъ закономъ и проч., начались ироническія манифестаціи. Все это австрійцевъ сильно скандализовало, они даже обратили вниманіе на то, что при чтеніи рескрипта не было рукоплесканій. Шмерлингъ предлагалъ даже за непочтительный приѣмъ императорскаго рескрипта распустить венгерскій сеймъ, однако, онъ пока раздумалъ взяться за это средство для поправленія австрійскихъ дѣлъ.